

Поиск смыслов души в философской лирике

Гигла Джинджолия – кандидат филологических наук, доцент. Западночешский университет. Пльзень, Чехия.

E-mail: giglad.17@gmail.com

Аннотация. Образ души, имеющий глубокие корни в мифологии и культуре разных народов, привлек наше внимание. Душа является важным объектом философских изысканий. Поэзия как особая форма философствования занята поиском ее смыслов, воплощенных в образах. С образами души сближаются образы сердца, потому что эти образы в статье рассматриваются комплексно. Они широко распространены в русской поэзии XIX – XX веков.

Душа и сердце концептуализируются через образные классы человек, огонь, птица, музыка, жилище, дом, растения, небесные тела, атмосферные явления, звери, насекомые, рыбы и др., которые формировались в течение длительного времени и имеют ряд особенностей в разных идиостилиях.

На первом месте обозначения людей, круг которых в XX веке расширяется. Анализируются семантические группы персонификаторов души и сердца. Душа обычно предстает в женском образе, сердце – в мужском: сердце – мальчик, душа – девочка (А. Блок), Душа ведь женщина, ей нравятся безделки (О. Мандельштам). В некоторых случаях встречаются несовпадения грамматического рода персонификатора и персонифицируемой сущности: душа – раб (И. Бунин, А. Тарковский).

В статье показано, как образные классы эволюционируют. Образы, широко распространенные в XIX веке, сохраняются и развиваются в XX веке (огонь, вода, птицы). Некоторые традиционные для XIX века образы угасают в XX веке (храм).

В поэзии XX века отчетливо выражена тенденция к снижению традиционно высоких образов. Эту установку реализует уподобление души

предметам быта: душа – ночник (М. Цветаева), душа – санузел (А. Вознесенский). Целям снижения высокого также служит включение в состав образов стилистически сниженных слов и названий «непривлекательных» животных, например, душа – кляча (В. Высоцкий), душа – мышь (И. Бродский), а также слов с уменьшительными суффиксами, которые разрушают мифологические ассоциации производного слова: речка души (И. Бродский).

Ключевые слова: русская поэзия, образ, образное поле, троп, метафора, сравнение, перифраза.

Введение

С В Я З Ъ философии и лирической поэзии не подлежит сомнению (см.: Соловьев 2007: 116-122; Франк 2007: 104-116; Ильин 2007: 137-146, и др.). Философские построения, «вообще основы мирозерцания, многое определяют в художественном творчестве, а с другой стороны, художественные интуиции почти всегда бывают полны философского содержания» (Зеньковский 2007: 29-58). О поэзии как форме философствования пишет И.Н. Сиземская (Сиземская 2007: 5-29).

Поэзия через образы проникает в глубинные основы мироощущения, становится средством философского осмысления мира.

Изучение образных средств поэтического языка привлекает внимание исследователей. Рассмотрены устойчивые образы (формулы) и эволюция тропов (Кожевникова 1986; Кожевникова 1995: 6-79); образные обозначения эмоций (Петрова 1995: 79-106); тропы в идиостилиях Ф. Тютчева, И. Анненского, С. Есенина, М. Волошина, И. Северянина, Б. Пастернака и др.) (Григорьева 1980; Ковтунова 2003; Бакина 1995: 106-143; Некрасова 1994, 54-105; Тильман 1999: 203-213); показан процесс метафоризации названий растительного мира в стихотворном тексте (Синельникова 2022: 47-57). Дано лексикографическое описание тропов в русской литературе (Кожевникова, Петрова 2000; Павлович 2007; Кожевникова, Петрова 2010; Кожевникова, Петрова 2017; Петрова, Фатеева 2021).

В русской поэзии XIX – XX веков широко распространены образы *души* и *сердца*. Их комплексному изучению посвящена данная статья. Эта проблема не была ранее предметом специального рассмотрения.

Цель статьи – рассмотреть способы образного осмысления *души* и *сердца* в русской поэзии.

Материал исследования – тропы (метафоры, сравнения, именные перифразы), опорными компонентами которых являются слова *душа* и *сердце*. Материал получен методом сплошной выборки из произведений русских поэтов XIX – XX веков (А. Майков, Ф. Тютчев, А. Фет, Я. Полонский, И. Анненский, А. Белый, А. Блок, И. Бунин, Н. Гумилев, С. Есенин, Вяч. Иванов, Б. Пастернак, М. Цветаева, Н. Заболоцкий, Б. Ахмадулина, И. Бродский, А. Вознесенский, В. Высоцкий, Е. Евтушенко, А. Кушнер, Б. Окуджава, А. Тарковский и др.).

Результаты и обсуждение

Тропы, относящиеся к одному предмету изображения, группируются в семантические совокупности (образные поля, парадигмы) (Петрова 1995: 79-106). Метафоры, сравнения и именные перифразы с опорными словами *сердце* и *душа* могут быть объединены в образное поле. В его составе выделяются следующие семантические классы: *человек*; *огонь*; *птицы*; *вода*; *музыка*; *жилище, дом*; *растительный мир*; *звери, насекомые, рыбы* и др. Данные семантические классы для осмысления, образной концептуализации *сердца* и *души* в русской поэзии формировались в течение длительного времени и имеют ряд особенностей в разных идиостилях.

Общий объем интересующего нас образного поля составляет 450 единиц, которые между названными семантическими классами распределяются следующим образом: *человек* – 127; *огонь* – 80; *птицы* – 64; *вода* – 31; *музыка* – 28; *жилище, дом* – 26; *растительный мир* – 24; *небесные тела, атмосферные явления* – 20; *звери, насекомые, рыбы* – 19; *ткани, одежда* – 18; *храм* – 7; *средства передвижения* – 6.

Семантический класс *человек* образуют различные наименования лиц (по возрастному параметру, социальной роли, отношению к вере, роду занятий и характеру деятельности, физическому состоянию, родственным отношениям и др.): дитя (А. Фет), малютка (А. Фет, М. Цветаева, Д. Пригов), ребенок (А. Тарковский), мальчик (А. Блок), девочка (А. Блок, И. Бродский, Н. Заболоцкий), девка (И. Бродский), жена (Н. Гумилев); женщина (О. Мандельштам), старуха (П. Антокольский), схимник (А. Блок), еретица (М. Цветаева), паломница (Б. Пастернак) и др.

Уподобление сердце – подкидыш: *И сердце в нас подкидышем бывает,
/ И так же плачется и также изнывает, / О жизни и любви отчаянно взывает.
/ Но тщетно плачется и молится оно (Ф. Тютчев).*

Сердце – дитя, малютка, ребенок: *Может быть, сердце утихнет
больное / И, как дитя в колыбели, уснет (А. Фет); Сердце – ты малютка
(А. Фет); Сердце дремлет, но сердце так чутко, / Помнит все: и блаженство, и
боль. / Те лучи догорели давно ль? / Как забыть тебя, грустный малютка, / Си-
неглазый малютка король? (М. Цветаева); И как ребенок «мама» говорит, / И
мечется, и требует покрова, / Так и душа в мешок своих обид / Швыряет, как
плотву, живое слово (А. Тарковский); Лелеять буду там один / Я душу – бед-
ную малютку (Д. Пригов).*

Сердце/душа – мальчик, девочка: *О, глупое сердце, / Смеющийся
мальчик, / Когда перестанешь ты биться? (А. Блок); Пускай лишь раз, былым
дыша, / О вас поплачет втихомолку / Шалунья девочка – душа... (А. Блок); В
мире вечернем мне холодно. Где ты, / Мальчик мой, сердце мое? (М. Цветаева);
В качелях девочка-душа / Висела, ножкою шуриша (Н. Заболоцкий); ... прекрас-
ная, как девочка, душа, / ты так же велика, как хороша (И. Бродский); Смея-
лись люди за стеной, / а я глядел на эту стену / с душой, как с девочкой больной
/ в руках (Е. Евтушенко).*

Душа – девка: *душа / как в девках жаждалась, готовая озлиться (И. Брод-
ский).*

Душа – жена, женщина, старуха: *Моя душа осаждена / Безумно-
странными грехами. / Она – как древняя жена / Перед своими женихами (Н. Гу-
милев); Кто держит зеркальце, кто баночку духов, – / Душа ведь женщина, ей
нравятся безделки (О. Мандельштам); Душа, чего ты жаждала, о чем алкала?
/ Молчи о том, старуха! Слышишь? / Ни гу-гу! (П. Антокольский).*

Душа – рабыня, раб: *Взор обжег и разум вынул, / Ночью света ослепил
/ И с души-рабыни скинул / Всё, чем мир ее купил (Вяч. Иванов); Как раб хра-
нит заветный грош в заплате, / Хранит душа одну мечту – о плате (И. Бунин);
И глухо стучащее сердце мое / С рожденья в рабы ей продано (В. Луговской);
Когда под соснами, как подневольный раб, / Моя душа несла истерзанное тело
(А. Тарковский).*

Душа – нищая: *Бессонная моя душа ... / Проснулась поутру, как нищая
(М. Цветаева).*

Сердце – вор: *Слушай, поганое сердце, / Сердце собачье мое. / Я на тебя,
как на вора, / Спрятал в руках лезвие. / Рано ли, поздно всажу я / В ребра холод-
ную сталь (С. Есенин).*

Сердце/душа – жилища, мертвец: *О, сердце, полное тревоги, / О, как*

*ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия!.. / Так, ты – жилища двух миров,
/ Твой день – болезненный и страстный, / Твой сон – пророчески-неясный
(Ф. Тютчев); Шевелится в груди мой мертвец... / Что с тобой, мое бедное
сердце? (Я. Полонский); Хвать-похватъ, – а сердца нет. / Сердце – крашеный
мертвец (А. Блок).*

Сердце/душа – пленник/пленница: *И сердце, пленник зимних вьюг,
/ Вдруг разучилося сжиматься (А. Фет). Да душа не смеет / Кинуть долгий плен
(И. Бунин); О, если забудется, пленница лет (о душе) (Б. Пастернак).*

Сердце – схимник: *Стань, сердце, вздыхающий схимник (А. Блок);*
еретица: *Скрежещущая еретица – / ... Душа, достойная костра (М. Цвета-*
ева); паломница: *По мнению многих, душа и паломница (Б. Пастернак).*

Душа – сестра (М. Цветаева), сестрица (А. Тарковский): *Саванароло-*
вой сестра (о душе) (М. Цветаева); Почему, скажи, сестрица, / Не из райского
ковша, / А из нашего напитокъ / Захотела ты, душа? (А. Тарковский).

Душа уподобляется крестьянке: *И автомата темная душа / взирает
с добротою старомодной, / словно крестьянка, что рукой холодной / даст пут-*
нику напитокъ из ковша (Б. Ахмадулина).

Сердце – инструктор: *Но сердце, как инструктор в Шамони, / уси-*
ленно карабкается вверх (И. Бродский).

Сердце – спорщик: *Сердца не стало. / Спорщик мой где? В окнах ни*
зги. Пусто на кресле (И. Бродский).

В стихотворном тексте может быть несколько разнотипных образных ассоциаций к опорным словам *сердце* и *душа*. Так построено стихотворение М. Цветаевой «Душа, не знающая меры» (душа – бабочка из хризалиды, смоляной высокий жгут, скрежещущая еретица, саванароловой сестра):

*Душа, не знающая меры, / Душа хлыста и изувера, / Тоскующая по бичу. / Душа –
навстречу палачу, / Как бабочка из хризалиды! / Душа, не съевшая обиды, / Что больше
колдунов не жгут. / Как смоляной высокий жгут / Дымящая под власяницей... / Скре-*
жещущая еретица, / – Саванароловой сестра – / Душа, достойная костра.

Подобным образом построены стихотворения Б. Пастернака «Баллада» и «Душа». В «Балладе» (сердце – курьер на борзом коне, пожизненный собеседник): *Бывает, курьером на борзом / Расскачется сердце, и точно /*
Отрывистость азбуки Морзе, / Черты твои в зеркале срочны. / Я знал, что по-
жизненный мой собеседник, / Меня привлекая страшнейшей из тяг, / Молчит,

крепясь из сил последних. В стихотворении «Душа» (душа – вольноотпущенница, пленница лет, паломница, тень без особых примет): *О вольноотпущенница, если вспомнится, / О, если забудется, пленница лет. / По мнению многих, душа и паломница, / По-моему, – тень без особых примет.* Как развернутый метафорический образ души строится стихотворение Н. Заболоцкого «Не позволяй душе лениться»:

Не позволяй душе лениться! / Чтоб в ступе воду не толочь, / Душа обязана трудиться / И день и ночь, и день и ночь! // ... Не разрешай ей спать в постели / При свете утренней звезды, / Держи лентяйку в черном теле / И не снимай с нее узды! // ... Она рабыня и царица, / Она работница и дочь, / Она обязана трудиться / И день и ночь, и день и ночь.

Очень важным регистром осмысления сердца и души в поэзии XIX века является **семантический класс огонь**: *И лишь с последнею святыней / Ты пламень сердца схоронил* (М. Лермонтов); *Я ль виновен в том, / Что люди угасить в душе моей хотели / Огонь божественный, от самой колыбели / Горевший в ней, оправданный творцом?* (М. Лермонтов); *Сердце пышет все боле и боле, / Словно уголь в груди я несу* (А. Фет); *Еще душа пылает, / По-прежнему готова мир объять* (А. Фет); *Душа горит и силится во мне / Залить в груди огонь жемчужной пеной* (А. Фет); *Литой изржавеет металл, / Но влитый в стих сердечный пламень / В нем вечный образ восприял* (А. Майков); *Его душа испепелилась, / Вся в бурях творчества сгоря* (А. Майков). В стихотворении И. Анненского «Я думал, что сердце из камня» в сердце огонь становится событием, которое описывается как процесс его непосредственного восприятия лирическим героем:

Я думал, что сердце из камня, / Что пусто оно и мертво: / Пусть в сердце огонь языками / Проходит – ему ничего. / И точно: мне было не больно, / А больно, так разве чуть-чуть. / И все-таки лучше довольно, / Задуй, пока можно задуть... / На сердце темно, как в могиле, / Я знал, что пожар я уйму... / Ну вот ... и огонь потушили, / А я умираю в дыму.

Смысловая связь сердце/душа – огонь широко распространена и в поэзии XX века: *Полюбуйся равнодушно, / Как сердца горят над бездной. / Их костры далеко зримы, / Озаряя мрак окрестный; Ты, душа, порожденье огня* (А. Блок); *Где сердце запылает, не сгорая? / В какой пустыне явится глазам, / Блеснет сиянье розового рая?* (Н. Гумилев); *В сердце бедном много зла / сожжено и перемолото* (А. Белый); *И сердца незаконный пламень – / Его ребяческая*

месть (О. Манделъштам); *Сбираешь умилений светлых дань, / Росу любви, в кристаллы горных лилий / И сердцу шепчешь: «Угаси пожар! / Довольно полдни жадный дол палили»* (Вяч. Иванов); *Лишь теперь душа всю сладость / Поняла, какой горела!* (Вяч. Иванов); *О да, он – мудр! Но сердце в нем чуть тлеет: / Как огонек под кизяком* (И. Бунин).

Образ огня используют М. Цветаева, Б. Пастернак, А. Ахматова: *Из ночи в ночь валандавшись, / Гормя горит душа* (Б. Пастернак); *Смерти довериться, смелые, / Что вас заставило, что? / Ужас ли дум неожиданных, / Душу зажегший вопрос...* (М. Цветаева); *О, сказавший, что сердце из камня, / Знал наверно: оно из огня* (А. Ахматова). Этот образ встречается у многих поэтов: *Необходимо сердцу быть огнивом* (И. Сельвинский); *Когда, измученный работой, / Огонь души моей иссяк...* (Н. Заболоцкий); *Вот так и мы с тобой живем / Душа горит и тело тает* (А. Тарковский); *Огонь души в ее слепом полете / не виден был бы здесь давным-давно, / не будь у нас почти прозрачной плоти* (И. Бродский); *Огонь сосны с огнем души / В печи перемешайте* (Б. Окуджава); *И вихрем чувств пожар души задуло, / И я не смел или забыл дышать* (В. Высоцкий); *Его сердце как пламень адовый / все вокруг, все – и лед, и его собственную плоть до тла сжигающий, лишь ее сердца остывшего растопить не в силах* (Д. Пригов).

Отметим высокую степень преемственности в использовании элементов семантического класса *огонь*. У разных поэтов встречаются сочетания с именами *огонь* и *пламень* (М. Лермонтов, И. Анненский, А. Блок, А. Ахматова и др.), глаголами *гореть*, *сгорать* (А. Фет, А. Майков, А. Блок, Вяч. Иванов, И. Бунин, Б. Пастернак, А. Ахматова, А. Тарковский, Б. Окуджава), *гаснуть*, *угасать* (М. Лермонтов, А. Блок, Вяч. Иванов, И. Сельвинский), *пылать*, *запылать* (А. Фет, Н. Гумилев). Одни поэты для таких уподоблений «предпочитают» только *пламень* (Н. Гумилев, О. Манделъштам, Д. Пригов), другие – только *огонь* (А. Фет, И. Бунин, А. Ахматова). Ряд поэтов использует оба этих синонима (М. Лермонтов, А. Майков, И. Анненский, А. Блок, Н. Заболоцкий). Некоторые единицы данного семантического класса встречаются только у одного автора: *куриться* (А. Блок), *тлеть* (И. Бунин), *огниво* (И. Сельвинский) и др.

Традиционный характер имеет осмысление *сердца* и *души* через компоненты семантического класса *птицы*. В XIX веке смысловая связь душа/сердце – птица характерна, например, для творчества Ф. Тютчева, А. Фета, А. Майкова и др. Используются наименования частей тела птиц (крылья – Ф. Тютчев, А. Фет, А. Майков), видовые названия птиц (голубь – А. Фет; соловей – А. Майков), словообразовательные связи (птичка –

А. Фет), активны в тропах глаголы, обозначающие различные действия, характерные для птиц (*парить, вспорхнуть, упорхнуть* и др.): *Ах, если бы живые крылья / Души, парящей над толпой, / Ее спасли от насилья / Бессмертной пошлости людской* (Ф. Тютчев); *Взглянул – и пылок навстречу сердце рвется! / Так, голубь, бурю застигнутый, в стекло, / Как очарованный, крылом лазурным бьется* (А. Фет); *Встрепенись, взмахни крылами, / Торжествуй, о сердце, пой* (А. Майков).

В XX веке образ *сердце/душа – птица* сохраняется. К нему обращаются А. Блок, С. Есенин, И. Бунин, А. Ахматова, А. Тарковский, И. Бродский и другие авторы. Традиционный элемент данного семантического класса – родовое обозначение *птица*: *Ты прости, что я в бога не верую – / Я молюсь ему по ночам. / Так мне нужно. И нужно молиться. / И, желая чужого тепла, / Чтоб душа, как бескрылая птица, / От земли улететь не могла* (С. Есенин); *Душа, усилье медиков – ничто. / Она куда-то улетит, как птица, / На дальнее, на новое гнездо* (Д. Самойлов); *Почему, скажи, сестрица, / Не из райского ковша, / А из нашего напиться / Захотела ты, душа? / Человеческое тело / Ненадежное жилье, / Ты влетело слишком смело / В сердце темное мое. / Тело может истомиться, / Яду незначай глотнуть, / И потянешься, как птица, / От меня в обратный путь* (А. Тарковский); *Скажи, душа, как выглядела жизнь, / как выглядела с птичьего полета? / Покуда снег, как из небытия, / кружит по незатейливым карнизам, / рисуй о смерти, улица моя, / а ты, о птица, вскрикивай о жизни* (И. Бродский); *Подобье птиц. Душа его чиста* (И. Бродский); *И душа моя ... / Реет, плачет, словно птица, / В заколдованном краю* (Н. Заболоцкий); *И сердце бьется раненою птицей* (В. Высоцкий); *X – это сердце страдает-томится / и Ц – это сердце страдает-томится / и Ч – это сердце страдает, как птица / а Щ – это сердце уже оттомилось* (Д. Пригов).

В поэзии XX века также используются видовые названия *птиц*. Уподобление *сердца* и *души* голубю переходит из XIX века в XX век: *Когда зарницу ветром раздувало, / А у меня уж запеклись уста / И сердце трепетало, точно голубь* (И. Бунин). Круг видовых обозначений *птиц* значительно расширяется: *ворон* (Вяч. Иванов), *чайка* (И. Бунин), *сокол* (Б. Пастернак), *дятел* (И. Сельвинский, И. Бродский), *синица* (А. Тарковский), *попугай* (И. Бродский), *стрижи* (А. Вознесенский), *касатка* (Н. Заболоцкий), *выпь* (Д. Пригов): *Я помню сон, / Всех воронов души черней, / Всех вестников верней: / Посол чистилица, он в ней – / как похоронный звон* (Вяч. Иванов); *Мне снилась осень в полусвете стекол, / Друзья и ты в их шутовской гурьбе, / И как с небес добывший крови сокол, / Спускалось сердце на руки к тебе* (Б. Пастернак);

В сердце твоём оголтелый дятел / Не для меня долбит о любви (И. Сельвинский); Все сгибается, бьется, кричит; / но меж ними достаточно внятно – / в этих «ребрах» – их сердце стучит, / черно-красное в образе дятла (И. Бродский); Пой, бродяжка, пой, синица, / Для которой корма нет (о душе; А. Тарковский); Знай, что душа со временем пополам / может все повторить, как попугай (И. Бродский); В моих горах стрижами заплещутся / души пойманные твои (А. Вознесенский); И душа моя касаткой / В отдаленный край летит (Н. Заболоцкий); Минутой сердце защемило, / И вскрикнуло последней выпью / То сердце, пролетая выше (Д. Пригов).

Уподобление *сердце/душа* – *крыло*, употребительное в поэзии XIX века, часто повторяется и в XX веке (А. Блок, Н. Гумилев, А. Белый, И. Бунин, М. Цветаева, А. Ахматова). Кроме того, возникают тропы со словами перышко (А. Тарковский), клювик (Н. Заболоцкий).

В контексте стихотворения возможны построения троп в тропе, выполненные в одном образном ключе. Так, у А. Блока перифразы и сравнения взаимодействуют, переходят друг в друга в развернутой метафоре:

Сердце – легкая птица забвений / В золотой пролетающий час: / То она, в опьянении кружений, / Пляской тризну справляет о вас. / Никого ей не надо из скромных, / Ей не ум и не глупость нужны, / И не любит, наверное, темных, / Прислоненных, как я, у стены... / Сердце, взвейся, как легкая птица, / Пролети ты, любовь разбуди, / Истоми ты истомой ресницы, / К бледно-смуглым плечам припади! / Сердце бьется, как птица томится – / То вдали закружилась она – / В легком танце летящая птица, / Никому, ничему не верна.

Варьируется один и тот же образ. От перифразы *легкая птица забвений* отталкивается развернутая метафора, в ткань которой вплетаются сравнения (сердце, взвейся, как легкая птица и сердце бьется, как птица томится), предваряющие появление перифразы *летящая птица* (*В легком танце летящая птица, / Никому, ничему не верна*), заканчивающей стихотворение. *Птица* у А. Блока часто наделяется эпитетом *белая*, который имеет в его поэзии символический смысл: *Неустающим слухом ловит / далекий зов другой души... / Так – белых птиц над океаном / Неразлученные сердца; Твоя душа себе берет / Прекрасный образ белой птицы*. По словам И.И. Ковтуновой, в поэзии А. Блока «одно из символических значений слова *белый* – неземная сущность, небесная чистота, высший божественный свет» (Ковтунова 2003: 16). Разные образы сравнения к одному предмету речи встречаются у многих поэтов. Например, у И. Бунина (*птица* и

источник): *Пело сердце от восторга, / Пело весело, как птица, / Билось гордо, как источник.*

Как в XIX в., так и в XX в. активны элементы семантического класса *вода*: *океан* (М. Лермонтов), *море* (М. Лермонтов, А. Блок, Вяч. Иванов); *речная гладь* (А. Блок), *река* (Вяч. Иванов, И. Бунин), *речка* (И. Бродский); *родник* (М. Лермонтов, А. Фет, Я. Полонский), *ключ* (А. Майков), *ручей* (А. Блок), *источник* (И. Бунин); *волна* (Я. Полонский, И. Бунин); *озеро* (Н. Заболоцкий).

Уподобление сердце/душа – океан: *В душе моей, как в океане, / Надежд разбитых груз лежит* (М. Лермонтов).

Сердце/душа – море: *В глазах – как на небе светло, / В душе ее темно, как в море* (М. Лермонтов); *Моря души просторны и безбрежны* (А. Блок).

Сердце/душа – прилив, отлив и разлив: *И сердце мое, как море, / Там бури, прилив и отлив, / В его глубинах много / Жемчужных дремлет див* (А. Блок); *У вас в душе приливы и отливы* (М. Цветаева); *Рослый стрелок, осторожный охотник, / Призрак с ружьем на разливе души! / Не добирай меня сотым до сотни, / Чувству на корм по частям не кроши* (Б. Пастернак).

Сердце/душа – ручей: *Видишь: сердце – кровавый ручей* (А. Блок).

Сердце/душа – речная гладь, река, речка: *Сердце все открыто, как речная гладь, / Если хочешь видеть, можешь увидеть* (А. Блок); *И с высот знакомых вижу вновь раздельным водосклон / Рек души, текущих в вечность – и в земной, старинный сон* (Вяч. Иванов); *И бьется сердце сладко-подневольно, / Как сжатая теснинами река* (Вяч. Иванов); *И мое темнее сердце, / Как река, когда над нею / Облака бросают тени* (И. Бунин); *Доктор Фрейд, покидаю Вас, / сумевшего (где-то вне нас) на глаз / над речкой души перекинуть мост, / соединяющий пах и мозг* (И. Бродский).

Сердце/душа – родник, ключ: *Случится ли тебе в заветный чудный миг / Открыть в душе давно безмолвной / Еще неведомый и девственный родник, / Простых и сладких звуков полный* (М. Лермонтов); *Земли ль из сердца ключ шипящий / Истоки тайные пробил?* (А. Майков); *Мое сердце – родник, моя песня – волна, / Пропадая вдали, – разливается* (Я. Полонский).

Сердце/душа – волна: *Улыбнешься ли, родная, – / Сердце вновь дрожит и блещет, / Как под солнцем блещут волны, / Что рябит холодный ветер* (И. Бунин).

Сердце/душа – водопой: *Провалы отроческих глаз! – Пролеты! / Душ раскаленных – водопой. / – Оазисы! – Чтоб всяк хлебнул и отпил, / И захлебнулся пустотой* (М. Цветаева).

Сердце/душа – озеро: Пусть душа, словно озеро, плещет / У порога подземных ворот (Н. Заболоцкий). *Сердце и душа ассоциируются с жидкостью (текущее сердце, душа течет, сердце текло): И руки поднял, и с ногтей / Текучим сердцем наземь капишь* (Б. Пастернак); *Течет твоя душа в мою* (М. Цветаева); *Всю ночь, до самого света, / Пока не стало светло, / Качалось сердце поэта – / Кипело, пело, текло* (Д. Самойлов).

Как видно из приведенных примеров, образы океана, родника и ключа встречаются только в поэзии XIX века. Ряд образов характерен только для XX века (*ручей, озеро, водопой*). Уподобление *сердце/душа – море*, зафиксированное в поэзии XIX века, известно и поэтам в начале XX века. В дальнейшем это уподобление не используется. «Притягательными» образами для А. Блока и М. Цветаевой являются *прилив* и *отлив*, которых нет у других поэтов. Образы, в основе которых лежат мифологические представления, связанные с *рекой* (Вяч. Иванова), в поэзии более позднего времени разрушаются (И. Бродский).

Единицы семантического класса *музыка* ограниченно представлены в поэзии XIX века. Характерным является уподобление *сердце/душа – струна, арфа*. Этот образ встречается, например, у М. Лермонтова, А. Фета, Я. Полонского, И. Анненского: *Вдруг стон тяжелый вырвался из груди, / Как будто сердца лучшая струна / Оборвалась* (М. Лермонтов); *Душа порою в сон погружена, – / Но лишь краса душевная коснется / Усталых глаз – бессмертная проснется / И звучно затрепещет, как струна* (А. Фет); *Чью-то душу слышу я, / В струнных звуках долетает чье-то сердце / До меня* (Я. Полонский). У И. Анненского появляются образы *лиры* и *бубенчика*: *О сердце! Когда, леденя, / Ты смертный почувствуешь страх, / Найдется ль рука, чтобы лиру / В тебе качнуть, / Миру, желанному миру, / Тебя, мое сердце, вернуть?* (И. Анненский); *А сердце ... бубенчиком бьется / Так тихо у плотной шлеи* (И. Анненский).

В XX веке образы *струны* и *арфы* сохраняются у А. Блока, Н. Гумилева, И. Сельвинского, И. Бродского, В. Высоцкого. *Струны* могут быть *сердечные*, «*усыпленные жизнью*» (А. Блок), *задушевные* (И. Бродский), *серебряные* (В. Высоцкий). Так, у А. Блока: *Как ты рвала без сожаленья / Моих сердечных струн четы!* В поэзии А. Блока встречаются разные виды сочетания, взаимодействия тропов, например, генитивная метафора осложняется метафорическим эпитетом и сравнением с союзом *как*: *И напев приглушенный и юный / В затаенной затронет тиши / Усыпленные жизнью струны / Напряженной, как арфа, души*. Тропы здесь образуют «смысловую

цепочку с переходящими друг в друга элементами смысла» (Ковтунова 2003: 27).

У Н. Гумилева *арфа* выполняет роль медиатора внутреннего диалога с душой (о внутреннем диалоге в поэтической речи см.: Ковтунова 1986: 61-66): *И отвечала мне моя душа, / Как будто арфы дальние пропели: / «Зачем открыла я для бытия / Глаза в презренном человеческом теле?»*. У И. Сельвинского: *Душевные страдания как гамма: / У каждого из них своя струна. Для И. Бродского лира – проявление поэтического творчества: Ну, время песен о любви, ты вновь / склоняешь сердце к тикающей лире, / и все слышней в разноголосом клире / щебечет силлабическая кровь*. С поэтическим творчеством связаны *струны* и у В. Высоцкого: *Влезли ко мне в душу, рвут ее на части, / Только не порвите серебряные струны!; Загубили мне душу, отобрали волю, / А теперь и порвали серебряные струны*.

Круг музыкальных ассоциаций в XX веке значительно расширяется. Новые единицы – литавры, капельмейстер (А. Блок), напев (И. Бунин), нота (И. Бродский), музыка (И. Бродский, П. Антокольский), раструб (А. Тарковский), дудочка (Б. Окуджава). Приведем примеры: *Нет, уселся капельмейстер / В сердце собственном моем, / Чувствую, как такт он держит* (А. Блок); *Он жалок был, но я душой привычной / В нем уловил напев родной души* (И. Бунин); *Точно так же движенье души, / что сродни умолкающей ноте, / замирающей в общей тиши* (И. Бродский); *Ах, Шуберт, Шуберт! Твой «Двойник» / В раструб души ее проник, / И рокотал, и сердце ранил, / И душу страстную тиранил* (А. Тарковский); *Там птицы каркают и стонут. / Силенют к ночи камыши, / и ветры с грустной истомой / все дуют в дудочку души* (Б. Окуджава).

Как видим из примеров, в XIX веке преимущественно используются названия струнных музыкальных инструментов. В XX веке к ним добавляются различные названия ударных и духовых инструментов, слова, передающие характер звучания инструмента, музыкальные термины, название лица, связанного с музыкой, используется слово *музыка* и т. д.

В XX веке возникают образы, связанные с семантическим классом **жилище, дом**. «Жилищный» регистр концептуализации *сердца* и *души* используют многие поэты XX века. Встречаются родовые и видовые названия: *дом* (А. Блок, М. Цветаева), *хижина* (Н. Заболоцкий).

Сердце/душа – дом: *О, черен взор твой, ночи тьма, / И сердце каменное глухо, / Без сожаленья и без слуха, / Как те ослепшие дома* (А. Блок); *В этой грустной душе ты бродил, как в незапертом доме* (М. Цветаева).

Сердце/душа – хижина: Слова, которые вонзаются, как пламя, / И, в душу залетев, как в хижину огонь, / Убогое убранство освещают (Н. Заболоцкий). Сопоставление *сердце/душа – хижина* имеет в XX веке единичный характер.

Развивается образное сопоставление *сердце/душа – части дома, жилища, здания*: окно (А. Блок, И. Бунин), окошко (А. Блок), створка (Б. Ахмадулина), форточка (А. Вознесенский), дверь (Н. Гумилев, А. Межиров, В. Высоцкий). Например: *И дышит утро в окошко твое, / Вдохновенное сердце мое* (А. Блок); *И открылось в сердце дверца* (Н. Гумилев); *И в сердце моем так могильно, / Как мерзлое окно* (И. Бунин); *Если правда, душа в каждой клеточке, / свои форточки отвори* (А. Вознесенский); *И прямо в двери сердца моего / Стучится ночь, бездонная, веселая* (А. Межиров).

Активизируется уподобление *сердца/души* отдельным помещениям в доме, жилище: *В моей душе, как келья, душею / Все эти песни родились* (А. Блок); *Тесные келейки – наши сердца* (М. Цветаева); *Души в нас – залы для редких гостей, / Знающих прелесть тепличных растений. / В них отдыхают от скорбных путей / Разные милые тени* (М. Цветаева); *Мне страшно в комнате / души твоей* (Е. Евтушенко); *Я выйду, ослепший как узник, / и выдам под хохот и вой: / «Душа – совмещенный санузел, / где прах и озноб душевой. / Поэты и соловьи поэтому и священны, / как органы очищенья, / а стало быть, и любви»* (А. Вознесенский). Нередко подобные уподобления переводятся в бытовую план. В стихотворении, посвященном В. Брюсову, М. Цветаева превращает *сердце* в предмет обстановки (ночник): *Я забыла, что сердце в вас – только ночник, / Не звезда. Я забыла об этом.*

Единицы семантического класса *растительный мир – лист, яблоня, стебель, васильки, розы, мак, сад* и др.: *Как юных листьев миллионы, / Обращены к тебе сердца* (А. Фет); *Так что ж под зиму, как листья, / Дрожишь, о сердце, ты...* (И. Анненский); *В листьях матовых шуриша, / Шелестит еще душа* (А. Блок); *Страстью длинной, безмятежной / Занялась душа моя, / Ирис дымный, ирис нежный, / Благовония струя* (А. Блок); *Сады моей души всегда узорны, / В них ветры так свежи и тиховейны, / В них золотой песок и мрамор черный, / ... Растенья в них, как сны, необычайны* (Н. Гумилев); *Васильками сердце светится, горит в нем бирюза. / Я играю на тальяночке про синие глаза* (С. Есенин); *Рву я по грядкам зардевшийся мак. / Маком влюбленное сердце цветет* (С. Есенин); *Хорошо под осеннюю свежесть / Душу-яблоню ветром стряхать* (С. Есенин); *И душа, как стебель тонкий / Под росинкой скатной, никнет* (Вяч. Иванов); *А сердце – отчего так медленно оно / И так упорно тяжелеет? / То всю тяжестью идет ко дну, / Соскучившись по милом иле, /*

То, как соломинка, минуя глубину, / Наверх всплывает без усилий (О. Мандельштам); Но просит / Сердце любви, как цветок (И. Бунин); Не стремлюсь ли я всем сердцем / К сердцу милой, к сердцу милой, / Как ростки стремятся к солнцу (И. Бунин); Как колос налитой, / Полна душа (И. Бунин); Трепещет сердце / И поет тебе в восторге, / Как поют, вздыхают ветви (И. Бунин); Сердца тебе ясны, как травы (М. Цветаева); Я знаю: не сердце во мне, – сердцевина / На всем протяженье ствола (М. Цветаева); Так пусть удача светит ей, / Душе, опрятной, как растение (Ю. Мориц); Это твое, тихий дождь, шум, подхваченный чащей, / так что сердце шумит, как ивовый веник (И. Бродский); Мгновенно слово. Короток век. / Где ж уместается человек? / Как, и когда, и в какой глуши / распускаются розы его души? (Б. Окуджава).

Растительные образы характерны для С. Есенина. Интерес к ним во многом отражает особенности лексики и идиостиля поэта в целом (Степанченко 1991: 46-67). Состав растительной парадигмы является «относительно стабильным во все периоды творчества С. Есенина. Изменения в использовании данной парадигмы связаны не с ее составом, а с функциями в художественном тексте» (Там же: 63-64).

Сердце и душа в русской поэзии XIX – XX веков ассоциируются с сущностями, которые относятся к семантическим классам **небесные тела** и **атмосферные явления**.

Небесные тела (звезды, солнце): *Среди несметных звезд полночи / Как эти две глядят мне в очи... / Им не сойтись никогда. / Среди людей так часто двое... / И оба сердца пышут страстью, / И оба сердца рвутся к счастью, / И счастье вечно далеко (А. Фет); Как солнце сквозь этих сверкающих капель – / Твоя, освеженная горем, душа (А. Майков).*

Атмосферные явления (вьюга, метель, снег, туча, облако и др.): *Я сердце вьюгой закрутил, / Я бросил сердце с белых гор, / Оно лежит на дне (А. Блок); Ненужно ранняя весна ... / Склонилась, давит мне на грудь, / И в сердце, смятое метелью, / Бесстыдно хочет заглянуть (А. Блок); Зато душа чиста, как снег (С. Есенин); Чьи-то души бесследно, / растворяясь вдали, / словно белые снеги, / идут в небо с земли (Е. Евтушенко); Полсердца – туча грозовая, / Под ней – всё глушь, всё немота (А. Блок); И сердце, точно солнце, / Расплавленное, жжет, / И, пышно и огромно (А. Блок); Ночью душу твою целовал бы, / Обнимал бы, как сонный туман (А. Блок); То, что мы зовем душой, / Что, как облако, воздушно / И блестит во тьме ночной / Своенравно, непослушно (А. Кушнер); Душа незаметна, потому что легка как дымка (Д. Пригов).*

В поэзии XIX века используются сочетания *сердца* и *души* со словами

звезда, солнце, месяц (А. Фет, А. Майков). Этот тип связи развивается в поэзии А. Блока, И. Бунина, А. Ахматовой, но в дальнейшем утрачивается. В XX веке появляются новые смысловые связи: *туман* (А. Блок), *облако* (О. Мандельштам, И. Бродский, А. Кушнер), *дымка* (Д. Пригов).

Сердце/душа осмысливается сквозь призму семантического класса *звери, насекомые, рыбы*. Смысловые связи, развивающие этот семантический класс, не характерны для поэзии XIX века. Сравнение *души* с *пчелой* мы фиксируем у А. Фета: *А душа моя так же перед самым закатом / Прилетела б со стоном сюда, как пчела, / Охмелеть, упиваясь таким ароматом*. В XX веке эти связи чрезвычайно активизируются. *Сердце и душа* уподобляются пчеле (А. Блок), змее (Н. Гумилев), теленку (С. Есенин), «зверьку в тибетском храме», дельфину (О. Мандельштам), бабочке (М. Цветаева), зверю (А. Ахматова, А. Тарковский), лошади, белке, мыши (И. Бродский), рыбе, зверенышу, щенку (А. Вознесенский), копыту (И. Губерман). Приведем примеры: *И душа, летя на север / Золотой пчелой, / В алый сон, в медовый клевер / ляжет на покой* (А. Блок); *Знать, недаром в сердце мукал / Издыхающий телок* (С. Есенин); *Как осетр в сетях трепещет, / Бьется бешено, чтоб сети / Разорвать и прыгнуть в воду, / Так в груди у Гайаваты / Сердце сильное стучало* (И. Бунин); *Душа – навстречу палачу, / Как бабочка из хризалиды* (М. Цветаева); *Я голосую за: / То, чтоб дверью стала дверь, / Замок опять замком, / Чтоб сердцем стал угрюмый зверь / В груди* (А. Ахматова); *Как зверь, ощерившись, – / пошла добру помочь, / Душа...* (А. Тарковский); *Сердца рвались, / метались и храпели, / как лошади* (И. Бродский); *Сердце скачет, как белка, в хворосте / ребер* (И. Бродский); *Душа твоя впоследствии какмышь* (И. Бродский); *Душа моя, мой звереныш, / Меж городских кулис / Щенком с обрывком веревки / Ты носишься и скулишь* (А. Тарковский).

В XX веке образ *сердце – звери* развивается и через отношение «целое – часть», например, возникает сравнение *душа, как копыто*: *С душою, раздвоенной, как копыто, / обеим чужероден я отчизнам* (И. Губерман). Развитием смысловой связи *душа – зверь* является уподобление *души* жилищу животного (*берлога, логово*). Такой способ уподобления облекается, например, в метафорическую форму у И. Сельвинского, форму сравнения у В. Высоцкого: *Пусть оплетает лукавая сеть – / В берлоге души тебя сохраню* (И. Сельвинский); *Но в душе, как в логове, / Затаился волк* (В. Высоцкий).

Широкий круг образных ассоциаций связан с семантическим классом *ткани, одежда*: *Душа моя... / ... тихонько молится, / Приподняв свою шляпу* (А. Блок); *Приди, ласкающая тень, / И душу смутную одень / Своею*

ризою жемчужной (Н. Гумилев); *Но ризой думы важной / Всю душу мне одень* (О. Мандельштам); *Душа и волосы – как шелк* (М. Цветаева); *стенает во мне / Назревшее сердце, мой друг в матинэ?* (Б. Пастернак); *А любовь на фото- пленке / Душу держит за рукав* (А. Тарковский); *Как плащ, летит его душа* (Н. Заболоцкий); *души обладают тканью, / материей, судьбой в пейзаже* (И. Бродский); *Душу затают большой вуалью* (И. Бродский); *Вдруг при свете, нагло, в две руки / Крал тоску из внутренних карманов / наших душ, одетых в пиджаки* (В. Высоцкий); *Получал Алеха / Дырки новые в душе. / Для того ль он душу, / Как рубаху, залатал* (В. Высоцкий). Семантический класс *ткани, одежда*, состоявший в начале XX века из небольшого набора элементов, в более позднее время расширяет свой состав. *Риза* (Н. Гумилев, О. Мандельштам) уступает место *плащу* (Н. Заболоцкий), *рубахе, тельняшке* (В. Высоцкий) и др. Элементы данного семантического класса для характеристики *сердца* и *души* наиболее активны у А. Блока, В. Высоцкого, И. Бродского.

Для в XIX века характерно обращение к семантическому классу *храм*. С храмом ассоциируются *душа* и *сердце*, например, у М. Лермонтова, А. Фета: *Моя душа твой вечный храм; / Как божество, твой образ там* (М. Лермонтов); *Перед тобой во храмине сердечной / Я затворюсь / И юности ласкающей и вечной / В ней молюсь* (А. Фет). В XX веке образ храма встречается у А. Блока: *Пока в душе горит огнями храм, / Чтоб сердце богу поклонилось. Душа* сравнивается с «*намогильной часовней*» у И. Бунина, с храмом – у М. Цветаевой: *Она молчит, – ее душа теперь / Пуста, как намогильная часовня, / Где над немой гробницей день и ночь / Горит неугасимая лампада* (И. Бунин); *Твоя душа – куда ушла? / В шкафу – двустворчатом, как храм* (М. Цветаева). Обратим внимание на бытовой характер ассоциаций, связанных с *храмом*, у Цветаевой в приведенном примере («Надгробие», 1935). Во второй половине XX века образная параллель *душа – храм* ослабевает и угасает.

В XX веке широко представлены единицы семантического класса *средства передвижения*: *ладья, корабль* (А. Блок), *фаэтон* (Б. Пастернак), *самолет* (А. Кушнер, В. Высоцкий), *кляча* (В. Высоцкий) и др.

Уподобление *душа – ладья, корабль*: *На новый океан, сердитый и безбрежный, / Усталую ладью души моей спущу* (А. Блок); *Здесь тишина цветет и движет / Тяжелым кораблем души* (А. Блок).

Сердце – фаэтон: *Да, надо, чтоб с отвагой юноши / Скиталось сердце фаэтоном, / Чтоб вышло из моей полуночи / Оно тяглом к твоим затонам* (Б. Пастернак).

Душа – самолет: То, что мы зовем душой, / ... как самолет, / Тоньше колющей булавки, / Корректирует с высот / Нашу жизнь, внося поправки (А. Кушнер); А по облакам скользя, / Взлетят наши души, как два самолета, – / Ведь им друг без друга нельзя (В. Высоцкий).

Душа – кляча: И ударит душа на ворованных клячах в галоп (В. Высоцкий). Для сопоставления выбирается синоним со стилистически сниженным значением (*кляча*). Огрубление традиционных образов в XX веке получает широкое распространение.

Некоторые итоги

Для русской поэзии XIX – XX веков характерно широкое использование тропеических обозначений сердца и души. Тропы с данными опорными словами объединяются в образное поле. Его составные части – семантические классы человек; огонь; птицы; вода; музыка; жилище, дом; растительный мир и др., которые служат средствами осмысления, концептуализации, выступают «регистрами» образной характеристики сердца и души.

Образы, широко распространенные в XIX веке, сохраняются и развиваются в XX веке. К ним, например, относятся традиционные образы сердце/душа – огонь; вода; птицы, которые по-разному преломляются в идиостилиях.

Отметим значительное расширение круга образных ассоциаций в XX веке по сравнению с XIX веком (сердце/душа – человек; музыка; растительный мир; звери, насекомые, рыбы). Например, смысловая связь сердце/душа – человек конкретизируется через ассоциации, связанные с наименованиями лица. В XIX веке их круг ограничен: сердце – дитя, малютка (А. Фет), подкидыш (Ф. Тютчев). В XX веке такие ассоциации встречаются довольно часто. Для уподобления привлекаются термины родства, обозначения профессий и рода занятий человека, его склонностей, физического состояния и др. Среди наименований лиц преобладают слова женского рода: жена (Н. Гумилев), женщина (О. Мандельштам), сестра (М. Цветаева), сестрица (А. Тарковский), крестьянка (Б. Ахмадулина), старуха (П. Антокольский). Иногда встречаются и слова мужского рода: сердце – схимник (А. Блок), спорщик (И. Бродский). Можно сказать, что женские образы доминируют над мужскими. При этом сердце обычно ассоциируется с образным наименованием мужского рода, душа

– со словами женского рода, например, у А. Блока: сердце – мальчик, душа – девочка. Сердце предстает в мужском образе, душа – в женском: Душа ведь женщина, ей нравятся безделки ... (О. Мандельштам). Но душа может уподобляться и образному наименованию мужского рода, например, душа – раб (И. Бунин, А. Тарковский).

Некоторые традиционные для XIX века смысловые связи ослабевают и угасают в XX веке (уподобление сердце/душа – храм). С храмом ассоциируются сердце и душа, например, у М. Лермонтова, А. Фета. Этот образ из XIX века переходит в поэзию начала XX века (А. Блок). Во второй половине XX века образ храма для осмысления сердца и души не используется.

Корпус образных обозначений сердца и души подтверждает отмечаемую исследователями (Кожевникова 1995: 43-47; Петрова 1995: 89) особенность поэзии XX века – депоэтизацию, снижение традиционно высоких образов. Способы депоэтизации – бытовой характер ассоциаций: сердце – ночник (М. Цветаева), душа – совмещенный санузел (А. Вознесенский), использование обозначений с отрицательными коннотациями: сердце – вор (С. Есенин), выбор стилистически сниженных синонимов и названий «непривлекательных» животных: душа – кляча (В. Высоцкий), душа – мышь (И. Бродский), слова с уменьшительными суффиксами, разрушающие мифологические ассоциации производного слова: речка души (И. Бродский).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бакина М.А. Устойчивые языковые формулы в поэзии XX века (на материале Д. Бедного и Б. Слуцкого) // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995. С. 106-143.

Григорьева А.Д. Слово в поэзии Тютчева. М.: Наука, 1980. 248 с.

Зеньковский В.В. Философские мотивы в русской поэзии // Поэзия как жанр русской философии. М.: ИФ РАН, 2007. С. 29-58.

Ильин И.А. Пророческое призвание Пушкина // Поэзия как жанр русской философии. М.: ИФ РАН, 2007. С. 137-146.

Ковтунова И.И. Очерки по языку русских поэтов. М.: Азбуковник, 2003. 204 с.

Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.

Кожевникова Н.А. Эволюция тропов // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995. С. 6-79.

Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986. 254 с.

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Вып. 4: Камни, металлы. Вып. 5: Ткани, изделия из тканей. М.: Языки славянских культур, 2010. 680 с.

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Вып. 1. Птицы. М.: Языки русской культуры, 2000. 478 с.

Кожевникова Н.А., Петрова З.Ю. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Вып. 2: Звери, насекомые, рыбы, змеи. М.: Языки славянских культур, 2010. 512 с.

Некрасова Е.А. Олицетворение в идиостиле (функциональный аспект) // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке. М.: Наука, 1994. С. 54-105.

Павлович Н.В. Словарь поэтических образов. В 2 т. Т. 1, Т. 2. М.: УРСС, 2007.

Петрова З.Ю. Образные обозначения эмоций в русской поэзии XX века // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995. С. 79-106.

Петрова З.Ю., Фатеева Н.А. Материалы к словарю метафор и сравнений русской литературы XIX-XX вв. Вып. 6: Человек. Жизнь, смерть, судьба, время. М.: Языки славянских культур, 2021. 872 с.

Сиземская И.Н. Русская философия и лирическая поэзия: «согласие ума и сердца» // Поэзия как жанр русской философии. М.: ИФ РАН, 2007. С. 5-29.

Синельникова Л.Н. Когнитивный потенциал названий растительного мира в поэтическом дискурсе // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. 2022. Вып. 16/1. С. 47-57.

Соловьев Вл. О лирической поэзии // Поэзия как жанр русской философии. М.: ИФ РАН, 2007. С. 116-122.

Степанченко И.И. Поэтический язык Сергея Есенина. Харьков: Харьковский гос. пед. ин-т, 1991. 189 с.

Тильман Ю.Д. «Душа» как базовый культурный концепт в поэзии Ф.И. Тютчева // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 203-213.

Франк С.Л. О задачах познания Пушкина // Поэзия как жанр русской философии. М.: ИФ РАН, 2007. С. 104-116.

The search for the Meanings of the Soul in philosophical Lyric Poetry

Gigla Dzhindzholia – Candidate of Philology, associate professor University of West Bohemia. Pilsen, Czech Republic.

E-mail: giglad.17@gmail.com

Abstract. The image of the soul, which has deep roots in the mythology and culture of many peoples, has attracted our attention. The soul is an important object of philosophical inquiry. Poetry, as a special form of philosophising, is engaged in the search for its meanings embodied in images. Images of the soul are closely associated with images of the heart; therefore, these images are examined together in this article. They are widely represented in the Russian poetry of the 19th and 20th centuries. The soul and the heart are conceptualised through figurative classes such as human beings, fire, birds, music, dwellings, houses, plants, celestial bodies, atmospheric phenomena, animals, insects, fish and others, which were formed over a long period of time and display a number of distinctive features in different individual poetic idiostyles. The most prominent category is that of human figures, whose range expands in the 20th century. The semantic groups of personifications of the soul and the heart are analysed. The soul is usually portrayed in a feminine image, while the heart is portrayed in a masculine one: the heart is a boy, the soul is a girl (A. Blok); “The soul is a woman – she likes trinkets” (O. Mandelstam). In some cases, there is a mismatch between the grammatical gender of the personifying figure and that of the personified entity: the soul – a slave (I. Bunin, A. Tarkovsky). Figurative classes evolve over time. Images that were widespread in the 19th century are preserved and further developed in the 20th century (fire, water, birds). Some images traditional for the 19th century fade in the 20th century (the temple). In 20th-century poetry, there is a clearly expressed tendency to “lower” tradition-

ally elevated images. This tendency is realised through likening the soul to everyday objects: the soul is a night-lamp (M. Tsvetaeva), the soul is a bathroom (A. Voznesensky). The same goal of lowering the lofty is served by the inclusion of stylistically reduced words and names of “unattractive” animals, for example: the soul is a nag (V. Vysotsky), the soul is a mouse (I. Brodsky), as well as words with diminutive suffixes that undermine the mythological associations of the derived word, such as “the little river of the soul” (I. Brodsky).

Keywords: Russian poetry, image, figurative field, trope, metaphor, simile, periphrasis.

References

- Bakina, M.A. (1995) Stable linguistic formulas in poetry of the XX century (based on the material of D. Bedny and B. Slutsky). In: *Essays on the history of the language of Russian poetry of the XX century. Figurative means of poetic language and their transformation*. Moscow, Nauka Publ. P. 106-143.
- Grigorieva, A.D. (2007) *The word in Tyutchev's poetry*. Moscow, Nauka Publ. 248 p.
- Zenkovsky, V.V. (2007) Philosophical motives in Russian poetry. In: *Poetry as a genre of Russian philosophy*. Moscow, IF RAS. P. 29-58.
- Ilyin, I.A. (2007) Pushkin's prophetic vocation. In: *Poetry as a genre of Russian philosophy*. Moscow, IF RAS. P. 137-146.
- Kovtunova, I.I. (2003) *Essays on the language of Russian poets*. Moscow, Azbukovnik. 204 p.
- Kovtunova, I.I. (1986) *Poetic syntax*. Moscow, Nauka Publ. 206 p.
- Kozhevnikova, N.A. (1995) Evolution of tropes. In: *Essays on the history of the language of Russian poetry of the XX century. Figurative means of poetic language and their transformation*. Moscow, Nauka Publ. P. 6-79.
- Kozhevnikova, N.A. (1986) *Word usage in Russian poetry of the early 20th century*. Moscow, Nauka Publ. 254 p.
- Kozhevnikova, N.A., Petrova, Z.Y. (2010) *Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the XIX-XX centuries*. Vol. 4: Stones, metals. Is. 5: Fabrics, products from fabrics. Moscow, Languages of Slavic cultures. 680 p.
- Kozhevnikova, N.A., Petrova, Z.Y. (2000) *Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the XIX-XX centuries*. Vol. 1. Birds. Moscow, Languages of Russian culture. 478 p.

- Kozhevnikova, N.A., Petrova, Z.Y. (2010) *Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the XIX–XX centuries*. Is. 2: Animals, insects, fish, snakes. Moscow, Languages of Slavic cultures. 512 p.
- Nekrasova, E.A. (1994) Personification in idiosyncrasy (functional aspect). In: *Essays on the history of the language of Russian Poetry of the XX century. Tropes in individual style and poetic language*. Moscow, Nauka Publ. P. 54-105.
- Pavlovich, N.V. (2007) *Dictionary of poetic images*. In 2 vol. Moscow, URSS Publ.
- Petrova, Z.Y. (1995) Figurative designations of emotions in the Russian poetry of the XX century. In: *Essays on the history of the language of Russian poetry of the XX century. Figurative means of poetic language and their transformation*. Moscow, Nauka Publ. P. 79-106.
- Petrova, Z.Y., Fateeva, N.A. (2021) *Materials for the dictionary of metaphors and comparisons of Russian literature of the XIX–XX centuries*. Vol. 6: Man. Life, death, fate, time. Moscow, Languages of Slavic Cultures. 872 p.
- Sizemskaya, I.N. (2007) Philosophy and lyrical poetry: "the harmony of mind and heart". In: *Poetry as a genre of Russian philosophy*. Moscow, Institute of Russian Academy of Sciences. P. 5-29.
- Sinelnikova, L.N. (2022) The cognitive potential of the names of the plant world in poetic discourse. *Problems of cognitive and functional description of the Russian and Bulgarian languages*. Vol. 16/1. P. 47-57.
- Solovyov, V.I. (2007) On lyrical poetry. In: *Poetry as a genre of Russian philosophy*. Moscow: IF RAS. P. 116-122.
- Stepanchenko, I.I. (1991) *The poetic language of Sergei Yesenin*. Kharkiv, Kharkiv State Pedagogical Institute. 189 p.
- Tilman, Y.D. (1999) "Soul" as a basic cultural concept in F.I. Tyutchev's poetry. In: *Phraseology in the context of culture*. Moscow, Languages of Russian Culture. P. 203-213.
- Frank, S.L. (2007) On the tasks of Pushkin's cognition. *Poetry as a genre of Russian philosophy*. Moscow, IF RAS. P. 104-116.

Статья поступила 12.10.2025
Принята к публикации 01.04.2026